

Драко

Интересное завтра

Рассказ–протест

– Что б тебя... – разъярённый черноволосый мужик лет сорока, дородный, слегка полноватый, в бешенстве хлопнул дверцей потрёпанной "восьмёрки". Я повернул тумблер центрального замка.

– Ты, мать... .. м...к недо..., тебя кто за баранку посадил?! – безрезультатно подёргав двери, он попытался сунуть руку в машину, вероятно желая схватить меня за горло. Я чуть отодвинулся и нажал кнопку стеклоподъёмника.

– Гражданин, успокойтесь, – унылый, чем-то похожий на мокрую весеннюю ворону, ГИБДД– шник говорил вяло, тягуче. Откуда он появился, я не заметил. – Никто не пострадал...

– Никто?! – мужик окинул милиционера таким взглядом, словно это он, а не я, только что срезал левое зеркало его "восьмёрки". – Да вы знаете, во что мне сядет ремонт?! Б...ь, я ж собирался на днях толкнуть тачку! А кто теперь её купит?! Скажут, битая! У– у– у, сволочь сытая! – это он обернулся ко мне.

Молчать дальше не имело смысла. Вздохнув, я нашарил в бардачке документы и открыл дверь.

– Готов оплатить ущерб – сказал спокойно. Мужик этого явно не ожидал и проглотил фразу о моих предках. ГИБДД– шник удивился меньше:

– Надо составить протокол ДТП, -заметил он, отрешённо разглядывая мой "Судзуки Самурай". Этот малюсенький джип я купил только ради названия; ездить в нём было так же приятно, как в "ЗИЛ"– е с убитыми рессорами, трясло хуже чем в "Ниве", и вдобавок брезентовый верх протекал по месту крепления к кузову. Зато я получал удовольствие всякий раз, вспоминая имя своей машины.

– Обойдёмся без протокола, – я протянул милиционеру паспорт, чуть приоткрыв его на последней страничке. Унылое выражение быстро покинуло лицо стража порядка.

– Так... Гражданин Иванов... – он перелистал паспорт, вздохнул и протянул его обратно. – Оплатите ущерб на месте?

– Да.

– Пятьдесят зелёных, – с нажимом сказал пострадавший водитель. Зеркало от "восьмёрки", даже новое, стоило двадцать, но торговаться мне не хотелось.

– Получите, – я протянул ему банкноту. Размер пачки, откуда я её вытащил, заставил и мужика, и ГИБДД-шника одновременно сглотнуть. Первым опомнился милиционер. С вызывающей уважение находчивостью он развёл руками и повернулся к пострадавшему:

– Если вы примете оплату в долларах США, я не смогу отметить в протоколе факт ДТП и вы лишитесь права подать в суд на виновника аварии.

– Согласен, – пробормотал мужик. Ему было очень непросто отвести взгляд от толстой, хрустящей, зелёной пачки, пахнувшей дорогим одеколоном "Арчибальд". – А... это... Моральный ущерб?

– Моральный ущерб причинили мне, – сказал я холодно. – Вы называли меня нецензурными словами в присутствии свидетелей, однако я спешу, и не стану требовать извинений. Инцидент исчерпан? – я обернулся к милиционеру.

Тот пожал плечами. Ещё бы, ведь в паспорте лежала двадцатка.

– Разбирайтесь сами.

– Вы удовлетворены? – спросил я водителя.

Он почесал в затылке.

– Не совсем...

– Послушайте, – я начал терять терпение. – Меня ждут в больнице. Я доктор Емельян Иванов, психиатр, и прежде чем наши машины столкнулись, спешил к пациенту. Если вы хотите больше денег – так и скажите, не заставляйте меня тратить время!

Мужик отпрянул, заколебался, но гордость нашлась даже в нём. Вздёрнув подбородок, он сунул банкноту в нагрудный карман и направился к своей "восьмёрке". Милиционер не обернулся; он высматривал на дороге следующую жертву.

Дальнейший путь до бывшей Центральной, а ныне "Психиатрической клиники проф. Капштейна" протекал без приключений. На стоянке оказалось необычайно много машин; я с трудом нашёл местечко для своего микроджипа. Рядом угрюмо темнела громада 140-го "кабана" с хромированным шильдиком V12. Задний бампер моего "Самурая" приходился как раз там, где у Мерседеса начиналась передняя дверь.

Одно несомненное достоинство машины стоимостью в 120 тысяч долларов состоит в том, что снаружи невозможно понять, есть ли кто-нибудь внутри. Я закрывал джип, когда за спиной послышался едва уловимый шелест гидравлики и знакомый густой баритон радостно произнёс:

– О, доктор Иванов!

Гидравлические стеклоподъёмники означали, что Мерседес бронирован по классу В7, и его цену надо умножить на пять. Голос означал, что у меня неприятности.

– Марат Сергеевич... – вызвав на лицо дежурную улыбку, я обернулся. – Какими судьбами!

Дверь весом в девяносто килограммов беззвучно повернулась на молибденовых петлях. Марат Каракалов, председатель совета директоров "Киргиз АгроБанк", внешне вполне соответствовал облику своей машины. Представьте слоновью тушу... Нет, слоны почти безволосые. Представьте тушу мамонта, скрещённого с индийским

носорогом, добавьте интеллект буйвола, хватку пираньи, характер саблезубого тигра и десять миллионов годового дохода. Уловили идею?

– А мы вас ждём, да, – расплывшись в улыбке, Каракалов протиснул своё туловище в дверной проём и, радостно улыбаясь, придавил меня к грязному борту джипа. – Доктор, у нас дело.

Я постарался улыбнуться так тепло, как только мог.

– С радостью выслушаю вас, Марат Сергеевич. Но давайте продолжим разговор через час, я опаздываю на обследование...

– Я вас провожу! – немедленно отозвался Каракалов. – Дело, оно, такое, отлагаться не любит, да, – он приторно вздохнул.

Мне ничего не оставалось, кроме как сказать:

– Хорошо, идёмте – и протиснуться между машинами. Каракалов моментально оказался рядом.

– Доктор, сынка моего надо бы осмотреть, да, – с необычной тревогой в голосе заметил он. – Летом на сафари летали, так он странный был, непонятливый. Да. А как вернулись – институт бросил, книги читать стал...

Каракалов тяжело мотнул головой.

– Неделю назад я ему бабу подвёл, готовую, красивую, так он её не оприходовал, а всю ночь грузил книгами своими дерьмовыми, да уж, прости господи...

Мне с огромным трудом удалось сдержаться. Нет, конечно, я уже привык, что тинэйджер, читающий книги, в глазах сверстников готовый пациент нашей клиники, но чтобы отец практически незнакомому человеку заявил "я привёл к сыну бабу"!

– Это переходный возраст, – мы быстро шли к центральному пропускному пункту. Каракалов, несмотря на комплекцию, был энергичным и сильным мужчиной, поспевать за мной ему удавалось играючи. – Ничего страшного...

– Да я не всё рассказал! – перебил Марат Сергеевич. – Мальчика кошмары донимают. После сафари я в его комнате скрытую камеру поставил, чтобы, значит, за дитём наблюдать, и такое видел, да... – Каракалов озабоченно покачал головой. – Друг у него есть институтский, еврейчик, парень забавный, смешной, хоть и не нашего круга...

– Минутку! – мы подошли к проходной и я предъявил пропуск. Поскольку Марат Сергеевич отставать явно не собирался, пришлось сказать "он со мной". – Слушаю вас.

– Да, так вот, – тяжёлая, потная рука легла на моё плечо. – Доктор, пару дней назад они встретились, болтать стали, да, а я-то, лентяй, только вчера запись посмотрел. Да... Такое увидел... – Каракалов вздохнул. – Надо бы осмотреть мальчика, да, доктор?

В конце коридора показалась Женя, но, увидев, с кем я говорю, молча прошла мимо. Мысленно высказав всё, что рвалось из души, я обернулся к толстяку:

– Вы привезли кассету?

– Конечно! – Марат Сергеевич просиял. – И мальчика привёз, он в машине.

– Ему придётся подождать, вначале я должен осмотреть больного, – жёстко сказал я. – Очень тяжёлый случай... – тут на меня нашло вдохновение и, не задумываясь, я выпалил: – Желаете присутствовать при осмотре?

Каракалов остановился так резко, словно получил удар в челюсть. Не дав ему опомниться, я продолжил:

– Это очень полезно, Марат Сергеевич. Вы получите представление о наших методах, а также увидите настоящего пациента клиники Капштейна. Это поможет вам решить, нуждается ли мальчик во врачебной помощи.

– Я не уверен... – начал Каракалов, но я хлопнул его по плечу:

– Не волнуйтесь, это безопасно! В палате будут постоянно находиться два санитары с инъекторами, стальные решётки не дадут больному напасть на вас.

– Решётки? – Марат Сергеевич оглянулся на далёкую дверь. – Пожалуй, я подожду вас в машине, да.

– Ну что вы, идёте...

– Я подожду, – он сунул мне маленькую 8- и миллиметровую кассету и поспешно направился прочь. Надеюсь, не услышав моего облегчённого вздоха.

Оставшись один, я забежав в стерилизатор, вымыл руки, переоделся в рабочую одежду и наконец почувствовал себя дома. В психиатрической клинике.

В палате уже собрались все наши. Когда вошёл я, Женя отвернулась к стене, Виталий улыбнулся, Антон скрестил руки на груди. Взглянув на часы, я невольно выругался.

– Емеля, ты опоздал на сорок минут, -заметил профессор Капштейн, колдуя над новой гипнопедической установкой. Сегодня ей предстояло первое испытание.

– Меня задержали... – пробормотал я. Женя скептически подняла брови.

– Мужчина, с которым ты говорил в коридоре? – она всегда была холодной, но сегодня её взгляд буквально замораживал воздух в палате. – Любопытно, когда ему выписали пропуск?

Вздохнув, я прошёл к своему креслу и смахнул с него толстую кошку Дуню, служившую чем-то вроде талисмана клиники. Женя и остальные ждали ответа.

– Мадам, этого мужчину зовут Марат Каракалов, – я уселся в кресло. – Таким, как он, пропуска не нужны.

– Не совсем верно... -заметил Капштейн, продолжая настраивать установку.

Виталий возразил:

– Емеля прав, профессор. С ними лучше не связываться.

– А как ты его отшил? – с интересом спросил Антон. Талантливый электронщик, он был лет на двадцать моложе любого из нас и подсознательно верил в собственную неопытность, поэтому старался казаться "своим в доску". Иногда это раздражало.

– Пригласил понаблюдать за обследованием, – усмехнулся я. Антон преувеличенно бодро рассмеялся и вернулся к прерванному занятию: заправке лазерного принтера.

Чтобы отвлечься, я уселся перед своим компьютером и вызвал на дисплей историю болезни нашего сегодняшнего пациента. Константин Владимирович Редько. Пятьдесят два года, женат, двое взрослых детей. Мастер по ремонту советских телевизоров и другой радиотехники, работает в маленькой частной мастерской вместе с сыном. Место жительства – пригород Москвы, судимостей нет, хронических заболеваний нет, отмеченных случаев помешательства среди родственников нет. Экономическое положение – за чертой бедности. Владеет автомобилем "Москвич 412" 1979 года выпуска. Состоит в коммунистической партии.

Таких, как он, на просторах России – миллионы. Едва сводящие концы с концами, люто ненавидящие "новые порядки", ветераны перестройки. Обычно их называют обывателями, но я не люблю это слово. Есть в нём что-то унижительное. Человек, любой – это гораздо больше, чем запись в анкете.

Тысячи, миллионы Константинов Редько медленно доживают свой век за границами больших городов. В городах они обычно не выживают; естественный отбор внутри вида Ното гораздо сильнее, чем в природе. Обычные люди влачат обычную жизнь – и больше о них сказать нечего.

Но изредка с ними случаются вспышки, порождённые бесчеловечными условиями в "новой России". Львиная доля таких людей гасит отчаяние и гнев в водке, некоторые – в преступлениях. Константин Владимирович Редько не попал в их число; он тихо и мирно сошёл с ума.

И словно в насмешку, когда рассудок уже покинул пожилого телемастера, ему – наверное, впервые в жизни – крупно повезло; профессор Исаак Капштейн, директор одной из самых престижных (и дорогих) мировых клиник, вытянул фамилию "Редько", когда решал, кому предоставить ежемесячную благотворительную возможность бесплатного лечения. Реклама, ничего не поделаешь. Знай мы, что Константин Владимирович Редько окажется болен совершенно новым, неизвестным науке видом психического расстройства – думаю, Капштейн сам заплатил бы ему, лишь бы начать лечение в своей клинике. Так что, в некотором роде повезло и нам.

– Виталий, – позвал я. Ассистент профессора поднял голову. – Вам удалось выяснить характер бреда Редько?

– Мы не уверены, – Виталий бросил смущённый взгляд на Капштейна. – Профессор считает, что перед нами типичный резидуальный бред...

– Интерпретативный! – голосом, способным заморозить вулкан, оборвала Женя.

– У лиц, проявляющих гебефренический синдром, очень редко встречается интерпретативный бред, – заметил Капштейн, отвернувшись наконец от своей установки.

– Почему вы решили, что Редько проявляет гебефрению?

– Женя, но это же очевидно, – вмешался я. – Гебефренический синдром ярко выражен.

– Не факт, – упрямо заявила она. – У нас есть показания жены и детей. Сравнительный анализ их слов и наших записей показывает, что патоморфологические изменения коснулись не только количественного, но и качественного состава синдромов истерического расстройства, что позволяет говорить о интрасиндромальном и интерсиндромальном патоморфозе как самой клиники расстройства, так и его динамики. Это началось гораздо раньше появления первых признаков гебефрении.

Женя взглянула на нас поверх очков.

– Я полагаю, что гефебрения развилась в процессе патогенеза, а подлинным источником расстройства явилось какое-то событие, оставившее на личности Редько незаживающий шрам.

– Женя, – профессор Капштейн обернулся к ней. – На сегодняшний день описано более четырёхсот видов obsessions, сотни видов рецепторных, менто- и конфабулярных расстройств, которые в той или иной форме встречаются у большинства людей. История психиатрии как науки, насчитывает уже два века. И тем не менее, мы не можем определить, чем болен Редько. Если источником его расстройства было какое-то реальное явление, то я думаю, за двести лет нам бы встретился хоть один похожий случай.

– Не обязательно! – Женя подалась вперёд. – Гипотетическое событие могло сыграть роль катализатора, резко ускорив течение болезни... – она запнулась. Капштейн с улыбкой кивнул.

– Безусловно, так всё и было. И сейчас мы пытаемся узнать, что за болезнь таилась в недрах его сознания.

Смущённая Женя уткнулась в монитор. Профессор вздохнул.

– Установка настроена. Емеля, у тебя всё готово?

– Да, Исаак Абрамович.

– Что ж, – Капштейн откинулся в кресле. – Начинаем. Надеюсь, сегодня нам улыбнётся удача.

Кивнув, я открыл толстую стальную дверь и вошёл в бокс для особо опасных помешанных. Редько не представлял опасности; он сам потребовал вести беседы в закрытой стальной комнате.

Константин Редько был низеньким, щуплым человеком с изрытым морщинами лицом и водянистыми голубыми глазами. Волос у него осталось очень мало, а те, что сохранились, давно покрылись инеем.

Двигался он удивительно. Раньше я бы никогда не поверил, что обычный человек, не обученный с детства ниндзюцу, способен на такое. Маленький, растрёпанный телемастер буквально плыл над полом, едва касаясь его носками. Каждое его движение завершалось не моментально, а с чуть заметным запаздыванием, формировавшим поразительное ощущение могучей, тяжёлой машины, способной просто смять любое препятствие.

Всякий раз, видя Редько, я вспоминал, почему его упрятали в лечебницу. Соседи и жена просто боялись этого человека, хотя он ещё никому не причинил вреда. Вокруг щуплого пожилого мастера растекалась аура, свойственная разве что сытому, довольному тигру, который милостиво позволяет людям гладить себя. Он не был опасен; но вам ведь не пришло бы в голову, взглянув на спящего хищника, решить что он мирный и добрый зверёк, которому можно жить в соседней квартире? Вот– вот, соседям Редько это тоже не пришло в головы.

– Здравствуйте, Константин Владимирович, – я встал из-за стола и вышел ему навстречу. Редько быстро, по– кошачьи огляделся.

– Здесь только вы? – спросил он напряжённо. – Нет камер? Нет микрофонов? Они не должны слышать мои слова. Они не должны слышать мои слова. Они не должны знать про меня. Они не должны. Не должны, вы понимаете? Не должны!

– Всё как и раньше, Константин Владимирович, – я поспешил его успокоить. – Палата закрыта на два замка, бокс полностью изолирован. У нас даже есть собственный аккумулятор и кислородные баллоны, – я показал, – Видите? А камер и микрофонов здесь нет. До окончания разговора сюда никто не войдёт.

– А окна? В палате есть окна, а стены бокса металлические. Вы знаете, существуют лазерные микрофоны!

– Здесь двойное остекление и толстые, бархатные шторы, – ласково ответил я. – А рядом проходит электричка. Любые вибрации от голоса будут поглощены.

Редько немного расслабился. Я подвёл его к креслу.

– Садитесь. Сегодня в вас чувствуется тревога...

– Потому что я видел одного из них, – хрипло произнёс Редько. – Он проходил по улице и смотрел в окно моей палаты. Это был он. Я видел!

Параноидальная мания преследования составляла заметную часть его болезни.

– Даже если вы не ошиблись, здесь нас никто не услышит, – я придвинул своё кресло поближе. Это безошибочный метод; любой человек воспринимает такой жест как знак доверия. – Расскажите мне о НИХ, Константин Владимирович.

– Я уже рассказывал, – нервно отозвался Редько.

– Но этого мало, – я покачал головой. – Вы описали лишь самые общие факты. Теперь я знаю, что они не люди. Но кто же тогда? Пришельцы?

– Не мелите чепухи! – внезапно вспыхнул Редько. – Пришельцев на Земле нет и не будет ещё очень долго!

Я серьезно кивнул.

– Да, помнится вы рассказывали что первый контакт произойдет в двадцать пятом веке.

– Две тысячи четыреста десятый год, – нервно отозвался Редько. – Семнадцатого ноября сообщат о первом контакте с внеземной формой жизни.

– А вы видели пришельцев? – не удержался я. Редько ответил с таким выражением, словно отмахивался от надоевшего вопроса:

– Видел, конечно. Ящеры двуногие. Зачем вы спрашиваете? Разве вас интересуют пришельцы? – он внезапно встревожился. – Вы не похожи на доктора! Скачете с темы на тему... Так не ведут обследование!

Я с трудом подавил улыбку.

– Мы не психоаналитики, Константин Владимирович. Вас обследует техника, а я лишь поддерживаю разговор...

Как ни странно, упоминание о технике всегда его успокаивало. Вот и сейчас, Редько с заметным облегчением откинулся в кресле.

– Да, я видел вашу установку, – сказал он неожиданно спокойно. – Как она работает?

Я насторожился. Такого осмысленного поведения Редько пока не проявлял.

– Вы не того спрашиваете, Константин Владимирович, – пришлось развести руками. – Я не техник.

– Но должны же вы хоть что-то знать! – он вновь занервничал.

Я поспешно кивнул:

– В общих чертах, да, знаю. На потолке этой комнаты укреплены сенсоры, которые считывают волны вашего мозга. У меня на запястье... – я показал – ...есть приборчик, который колет меня током, если вы начинаете нервничать. Таким образом, я сразу определяю темы, которые вас волнуют, и могу задавать более точные вопросы.

Редько презрительно скривил губы.

– Каменный век.

– Чем богаты, тем и рады, – я улыбнулся. – А вы уверены, что прибыли из будущего?

– Я похож на лжеца?! – щуплый телемастер вскинулся, и в его движении была такая МОЩЬ, что я невольно отпрянул. Редько сузил глаза.

– Вы мне не верите, доктор?

– Я такого не говорил, – возразил я. – Но согласитесь, все это очень странно. Вы ведь известный, пожилой человек, у вас есть семья. В вашей анкете написано, где вы родились, где работали...

– Не я! – Редько взмахнул руками. – Это не я! Это всего лишь тело! – он схватил себя за волосы и сильно дернул. – У них не было выбора, пришлось брать первого попавшегося человека!

Браслет ощутимо кольнул меня током. Но я и сам затаил дыхание: в словах больного впервые прозвучал намек на искомую нами информацию. До сегодняшнего дня Редько наотрез отказывался говорить, почему в один прекрасный день он заявил родным, что больше не является человеком.

– Неужто нельзя было подобрать тело получше? – спросил я с легким налетом небрежности. Это сработало.

– Вы... – Редько тигриным движением пригнулся к столу, словно собирался прыгнуть. – Вы знаете, откуда я бежал? Знаете, ЧТО со мной собирались сделать?! Думаете, у меня был выбор? Думаете, я ХОТЕЛ попасть в ваше доисторическое болото?!

– Что же вам угрожало? – спросил я, допустив в голос чуть– чуть заинтересованности.

Редько расслабился, с шумом выдохнул. У него постоянно наблюдались внезапные переходы от агрессии к апатии.

– Вы все равно не поймете...

– Но расскажите, быть может мы вместе найдем выход? – предложил я, тоном давая понять, что ни в какой выход я не верю. Эта, казалась бы, абсурдная стратегия, с Редько еще ни разу не двала осечек.

Так и сейчас, помолчав, он странным движением встряхнулся. Я никогда не видел подобного: казалось, по его телу прошла волна от ног до шеи.

– Что вам рассказать? – бесцветным голосом спросил Редько.

– Кто вы? Откуда бежали?

– Мое имя Ким Фанг Лаар. Я прибыл из будущего.

– Это вы уже говорили, -заметил я. – Но почему, по какой причине вы явились к нам? В такое болото?

– Я был сенатором, – устало опустив голову, начал низенький телемастер. – И я умирал. Вы даже представить не сможете, какие болезни появились за последние четыре века. Вы, здесь, наверно известный доктор, да? – он внезапно дико расхохотался и столь же внезапно оборвал смех. – А у нас вы были бы телебомжем! Не больше!

– Мы говорим о вас, – напомнил я мягко. Редько поник.

– Да, обо мне... – он всхлипнул и перебрал плечами точно как леопард. – Я совершил преступление. Но я не хотел умирать! Я хотел жить! Я заслужил это право, ведь я был сенатором, а не жалким телебомжем!

– Вполне законное желание, – согласился я. Редько вскинулся:

– Да– а– а? – прошипел он. – Законное? По закону, меня больше не было!

Сенатора Ким Фанга не было! Был дракон Лаар.

Я сильно вздрогнул.

– Дракон?!

– А о чем я вам толкую уже десятый день?! – Редько вспылал.

Я с трудом взял себя в руки:

– Простите. Я слушаю.

– Не слишком-то вы хороший доктор! – язвительно заметил больной. Я сокрушенно опустил голову. Признание превосходства за пациентом очень часто помогает ему расслабиться и сбросить внутренние барьеры. С Редько мы такого еще не пробовали, и я с опаской ждал результата.

Константин Владимирович помолчал, глядя куда-то в пустоту. Внезапно он рывком – всем телом, будто промышленный робот – обернулся ко мне:

– Вы верите в драконов?

Я на миг запнулся, обдумывая ответ, но Редько меня опередил:

– Не верите. И правильно. Не заслуживают они того. Чтобы люди в них верили.

– Почему же? – спросил я с неподдельным интересом.

– Они убили меня, – спокойно ответил Редько. – Вернее, полагали что убили. Они не знали, что я подсунул им свинью! – он нервно рассмеялся. – Меня сейчас ищут по всем измерениям. Там, дома, нового меня, наверное, судят. А мне хвост... – он запнулся и с ужасом посмотрел мне в лицо. – ...Что я сейчас сказал?!

– Что вам хвостом, – напомнил я скромно. Редько отпрянул.

– Опять... – пробормотал он. – Опять из меня лезет этот ящер. Что б ты никогда не рождался!!! – он неожиданно с яростью ударил себя кулаком по лбу. Я вскочил:

– Константин Владимирович! Что вы делаете?!

Редько опомнился.

– Я? – он посмотрел на свою руку, потер лоб. Взглянул на меня и неожиданно улыбнулся совершенно живой, человеческой улыбкой.

– Должно быть, все ваши спецы от меня спятили, – спокойно заметил Редько. – Верно? Держу пари, вам еще не встречался человек с тремя мозгами в одной черепушке.

ВОТ ОНО! Затаив дыхание, я опустился в кресло и подался вперед.

– Три разума? – спросил тихо. – Вы ощущаете себя тремя разными существами?

– Если бы, – с горечью ответил Редько. – Из нас троих только я на что-то годен. Еще один – недоразвитый ящер со своими ящериными проблемами, а третий – жалкий получеловек, этот урод Редько! Все из-за его несносного упрямства!

Я нахмурился.

– Постойте, но ведь...

– Нет, – внезапно больной заговорил скороговоркой, будто спешил все высказать прежде чем ему помешают. – Я сенатор Ким Фанг. Я умирал. Мой разум должны были переписать в тело юного дракона, эти животные не любят даже собственных детенышей. Я не мог позволить им это сделать. Но я не хотел умирать! У меня был выбор – либо жизнь в теле дракона, либо смерть в своем.

Редько поднял водянистые голубые глаза.

– Я разрывался надвое. Жить? Зная, что ценой твоей жизни будет смерть ребенка? Пусть даже драконьего! Я знал нескольких ящеров, их уродует только воспитание, а новорожденный, в правильных руках... Но я не мог умереть. Ведь они

все равно убили бы малыша и отдали тело другому человеку, не такому чувствительному. Я хотел жить, и хотел чтобы дракон тоже жил! Так родился план. Я очень богатый человек, знаете, доктор? – бывший телемастер улыбнулся как идиот. – Я мог купить что угодно. Я подкупил всех спецов в драконьем инкубаторе, и они согласились перед записью моего разума в тело детеныша, вначале записать мне в мозг личность драконенка.

Редько вскочил и принялся нервно ходить по комнате. Я наблюдал, не веря своим глазам.

– Это был хороший план, верно? Разум детеныша оставался цел, я оставался жив... Но мне никто не сказал, что после записи ничего не изменится! – больной остановился, напряг мышцы и согнулся, будто готовясь поднять штангу. От напряжения у него на лбу проступили жилы.

– Что должно было измениться? – спросил я осторожно.

– Все! – рявкнул Редько. – Я должен был стать драконом! И я стал! Только уже не я! То есть это был я, но не я! Не тот я, который я, а тот я, который он!!!

– Что? – переспросил я ошарашенно.

Редько выпрямился. Он был бледен.

– В палате, где меня держат, есть магнитофон. Вы его видели? Конечно, видели. Знаете, как он работает? Или вы не техник, вас это не интересует?

– Я знаю, как работает магнитофон, – ответил я сдержанно.

– Отлично! – Редько рассмеялся. – Скажите, если у вас есть кассета с редкой записью, и у этой кассеты сломан корпус, что вы сделаете?

– Я перепишу запись на новую кассету.

– Вот! Вот именно! – он кошачьим движением обернулся ко мне и ссутулился, выпятив лопатки. – А что вы потом сделаете со старой кассетой, а, доктор? Вы ее выбросите?

Я медленно кивнул.

– Возможно.

– Конечно, выбросите! – Редько скрипнул зубами. – У вас уже есть новая, здоровая и качественная. Зачем вам старая? Только вот незадача: запись-то на старой кассете так и осталась. У вас теперь ДВЕ записи. Вот оно как, да, доктор?

Я удивленно подался вперед.

– Так для вас ничего не изменилось? Ваш разум... переписали в новое тело, но вы...

– Но я, – с горечью оборвал Редько. – Я так и остался в своем, умирающем тулове, только теперь у меня в голове поселился новорожденный дракончик.

– Ах да, вам ведь записали его личность...

– Именно. Именно, доктор... – Редько передернуло. – Взгляните на меня. Все мои моторики, все инстинкты – больше не человечьи. Я наполовину дракон! Вернее, был наполовину, а теперь на треть...

На таком пациенте можно защищать диссертации.

– Константин Владимирович, но как же вы оказались в прошлом? У нас? – спросил я вкрадчиво.

Редько вздрогнул.

– А вы как думаете? – неожиданно огрызнулся он. – По-вашему, я хотел умирать? Это сейчас я знаю, что после перезаписи разума, настоящих носителей умерщвляют, оставляя лишь копии. А тогда я понимал одно – меня обманули! Об инкубаторах в сетях не говорят, знаете ли, доктор! Откуда мне было знать, что после записи тебя убивают?! Это как у вас секс – все о нем знают, но открыто не обсуждают!

Я невольно улыбнулся, и тут до меня дошло, что Редько произнес фразу, которую НЕ МОГ произнести больной. Такое сравнение называется непрямой аналогией Бериньи, и ни один пациент, ни в одной клинике мира, не сказал бы таких слов. Собственно, чаще всего психиатры отличают симулянтов от подлинно больных именно с помощью непрямых аналогий. Скажем, человек симулирует водобоязнь, в панике отбрасывает чашки с кофе и чаем. Ему дают мороженное. Симулянт преспокойно его съест, в то время как настоящий больной, ощутив на языке влагу, впадает в панику.

– Константин Владимирович, поясните насчет секса... – я осторожно взглянул на зеркало, за которым стоял профессор Капштейн и весь персонал нашей лаборатории. Заметили они или нет? Браслет тут же кольнул меня в запястье: заметили, продолжай. Я обернулся к Редько.

– Что происходит? – нервно спросил тот. – Почему вы смотрите в зеркало?

– Не волнуйтесь, я просто размышляю над вашими словами, – откинувшись в кресле, я демонстративно потер лоб. – Константин Владимирович, а как вы... Точнее, каким образом личность сенатора Фанга оказалась в вашем теле?

– Я бежал, – буркнул Редько. – Бежал от смерти. В соседнем с инкубатором здании находился физический институт, я сумел добраться до машины времени и не глядя рванул рычаги. Вы должны понять, что мое тело находилось при смерти. Болезнь-то никуда не делась!

– Вот вы и попались, – "торжествующе" заявил я. – Итак, вы утверждаете, что похитили машину времени?

Редько неожиданно усмехнулся.

– Сейчас вы спросите, "Где же в таком случае машина". Нет, доктор, я ее не похищал. Машина времени не двигается с места, она лишь забрасывает рабочее тело в другую точку континуума. Другую не только в пространстве.

– Ошибаетесь, – я улыбнулся. – У меня и в мыслях не было требовать у вас машину времени. Я спрашиваю о другом. Если, как вы утверждаете, похитив машину... Простите, воспользовавшись машиной, вы оказались у нас, то как же произошла запись разума сенатора Фанга в тело пожилого мастера Константина Редько? Неужели вы захватили с собой аппаратуру для перезаписи личности?

Реакция больного меня поразила. Редько задрожал – я никогда не видел, чтобы человек так дрожал, это была подлинная вибрация, словно волнами прокатившаяся по его телу.

– Не я... – прохрипел он неожиданно севшим голосом. – Не я, доктор.

– В каком смысле?

– Не я сотворил... то, что вы видите.

– Позвольте, – я сдвинул очки на кончик носа. – Но вы ведь сказали, что сами выбрали это тело. Сказали, что у вас было мало времени и пришлось хватать первого попавшегося человека. Разве нет?

– Я так сказал?! – в ужасе переспросил Редько.

– Конечно.

– Вы лжете!

– Ну, ну, успокойтесь, – я улыбнулся. – Быть может, я спутал слова...

– Вы лжете, – с нажимом повторил Редько. – Я ничего не говорил о выборе. Я не выбирал это тело! Меня заставили! Они гонятся за мной. Они ищут меня. Я дважды улизнул от смерти, но теперь они все ближе и ближе. Я чувствую, как они приближаются. С каждым мгновением!

– Да кто же?

Редько опасно оглянулся.

– Духи, – прошептал он едва слышно. – Духи драконов, замучанных в инкубаторах.

Помолчав, я встал и направился к двери. Редько молча смотрел мне вслед, ссутулившись, изогнув спину горбом. Он, похоже, и впрямь верил, что там у него растут крылья.

Капштейн и Женя суетились вокруг распечатки энцефаллограммы. Я лишь мельком взглянул на графики – мой профиль был несколько иным. Но даже такой неспециалист, как я, мог заметить три совершенно разные группы сигналов. Причем один из них, как сказал Капштейн, вовсе не принадлежал человеческому существу.

– Это невероятно, – бормотал профессор, помогая Жене и Вите снимать копии с графика. – Изумительно! Емеля, сегодня ты вытащил из него впятеро больше, чем за прошлые десять дней.

– Он меня пугает, – сказал я внезапно. Капштейн оглянулся.

– Это нормальная реакция, ты знаешь, – он улыбнулся. – Не мне учить тебя психологии.

– Вы очень многому научили меня, профессор.

– Но ты вскоре меня превзойдешь... – Капштейн вздохнул. – И это тоже, совершенно нормально. Емеля, ты сегодня поработал за пятерых, спасибо огромное. Завтра можешь отдыхать.

Я пожал плечами.

– Я вовсе не устал, профессор. Вы же видели, он сам говорил.

– Какая разница, что он говорил, – отмахнулся пожилой врач. – Главное, мы записали как работает его мозг. История медицины такого еще не знала, когда я на ближайшем консилиуме покажу...

– Извините что перебиваю, профессор, но мне можно идти? – спросил я. – Там Марат Каракалов, понимаете...

Капштейн запнулся.

– Ах да, молодой человек с подростковым синдромом... Идите, идите, – он уже забыл про меня и погрузился в графики. Я послал Жену воздушный поцелуй и вышел из кабинета.

В коридоре, как обычно в такой час, было пусто. Надеюсь, что Каракалов еще не уехал (впрочем, такие как он отличаются упрямством), я поспешил к проходной. Там, у стола вахтера, стояла тонкая девушка с восточными чертами лица. Я машинально обратил внимание на ее летний загар – летний, посреди московской осени. Приезжая...

– Простите! – увидев, как я снимаю халат, она подошла к ограждению. – Доктор, вы не знаете, к кому обратиться? Здесь содержится мой отец, а меня к нему не пускают.

– Юная леди, это клиника профессора Капштейна, – отозвался я, надевая пальто. – Сюда привозят только тех, кто нуждается в срочном лечении. Госетители не допускаются.

Она угасла, будто весенний цветок под снегом.

– Но я... Я не видела его уже десять дней... Мы даже не знаем, кому звонить!

Прищурившись, я окинул гостью внимательным взглядом.

– Как фамилия вашего отца?

– Редько! – с готовностью отозвалась девушка. – Константин Редько.

Я улыбнулся.

– Вам повезло. Я его лечащий врач. Не возражаете, если мы поговорим по дороге к стоянке?

– Ой, ну что вы... – девушка вновь расцвела. – Меня зовут Настя, он ничего вам не рассказывал?

– О чем? – спросил я машинально.

Мы вышли из вестибюля и зашагали в сторону подземного перехода. Девушка удивленно подняла брови.

– То есть, как о чем? Обо мне.

– Увы, юная леди, – я вздохнул. – Ваш отец едва ли отдает себе отчет в окружающем.

Настя поникла.

– Как он? Есть надежда?

– Надежда есть всегда, – рассмеялся я. – Не унывайте, мы знаем свое дело. Уверен, ваш отец еще вернется домой.

Продолжая семенить рядом, девушка робко дотронулась до моей руки.

– А что с ним? Что он вам говорит? Опять про драконов?

Я вздрогнул.

– Отец говорил с вами о драконах? – спросил ее быстро. Настя закивала.

– Да, он только ими и бредил. Ночами прятался в подвале, твердил что его могут "засечь из космоса", а днем не могут, мешает солнечная радиация...

– Так и говорил?! – переспросил я изумленно.

– Ага, – вздохнула девушка. – И еще он стал бояться тишины. Постоянно или музыку, или телевизор включал, иногда даже пел что-то, лишь бы не было тихо. Мобильник мой отобрал и к тете отослал, свой и мамин тоже.

Я остановился.

– Настя, вы уверены что все это случилось уже после того, как он... заболел?

– Конечно, – девушка удивленно взглянула на меня. – Я ведь рассказывала доктору Капштейну, как все началось. Месяц назад мы нашли его на огороде, без сознания. Перепугались страшно! Вызвали скорую, ему вкололи какую-то пакость... Он очнулся, но долго никого не узнавал. А потом все и началось... Это вам поможет, доктор?

Я глубоко вздохнул.

– Настя, даже не знаю, как сказать. Видите ли, мы склоняемся к мысли, что ваш отец здоров.

– Здоров? – она отпрянула, широко раскрыв глаза.

– Скорее всего, – кивнул я. – Больные люди так себя не ведут. Мы полагаем, ваш отец по неизвестной причине решил симулировать помешательство.

Она недоверчиво покачала головой.

– Но зачем? Это смешно!

– Возможны десятки причин, – возразил я. – Кроме того, определенным расстройством психики Константин Владимирович безусловно страдает. Его энцефалограммы уникальны, подобного еще никто не наблюдал. Однако поверьте, я уже тридцать шесть лет лечу людей и разбираюсь в симптомах. Болезни, способной вызвать такое поведение, просто не существует. Разум вашего отца не помутился, он лишь упорно изображает помешанного. Вы уверены, что у Константина Владимировича нет врагов? Быть может, он пытается скрыться от них в клинике?

– От врагов? – недоверчиво переспросила девушка. – Доктор, с вами все в порядке? Папа обычный телемастер, у него денег отродясь не водилось. Даже мобильники всем нам купил мой муж.

Я улыбнулся.

– Враги не всегда порождаются деньгами, юная леди... – к нам уже спешил четвертьтонный денежный мешок, поэтому пришлось ускорить расставание.

– Извините, Настя, здесь еще один мой пациент. Я должен идти. – улыбнувшись девушке, я обернулся к Каракалову. – Простите за задержку, Марат Сергеевич, обследование выдалось непростым. Но теперь я готов осмотреть вашего сына.

– Вот и ладушки... – потное лицо Каракалова расплылось в улыбке. Бросив на дочь Редько лишь короткий взгляд, он обнял меня за плечи и буквально потащил к своему мерседесу. – Вы кассетку посмотрели?

– Увы, не успел.

– Ничего, мальчик сам все расскажет...

Перед нами с шелестом открылась черная пасть в салон. Усевшись на заднее сидение, я закрыл бронированную дверь и мгновенно отрезал себя от реальности.

Звуки улицы начисто пропали, повисла густая, темная тишина. Ее лишь на миг разорвал хлопок передней двери, когда в мерседес ввалился Марат Каракалов.

– А где мальчик? – спросил я удивленно.

Несколько мгновений Каракалов механически продолжал улыбаться. Затем я увидел, как его улыбка медленно, неумолимо превращается в звериный оскал.

– Охрана? – прорычал Марат. – Где мои парни, мать их?! – распахнув дверь, он буквально вывалился из машины. Я последовал его примеру, хоть и не так стремительно.

Каракалов стоял рядом с мерседесом, настороженно озираясь. Я только сейчас обратил внимание, что не вижу обязательного атрибута подобных людей – геландевагена с молчаливой охраной.

– Что происходит, Марат Сергеевич?

– Дерьмо... – пробормотал Каракалов. – Доктор, вы идите, да. По своим делам. Завтра сойдемся... – он вновь уселся в машину и захлопнул дверь. Судя по тому, что из заднего крыла тут же выдвинулась антенна персональной радиостанции, скоро сюда придут сразу несколько геландевагенов...

Вздохнув, я подошел к своему микроджипу. Мотор завелся с первого раза, даже странно. Вырулив со стоянки, я свернул на набережную и неожиданно обнаружил, что в машине я не один.

– Только не пугайтесь! – мальчик лет четырнадцати– пятнадцати выглянул между сидениями. – Вы доктор Иванов, правда?

– Твой отец сильно рассердится, -заметил я.

Мальчик замотал головой.

– Он ничего не знает! Он думает, что я спятил!

– Не говори глупости, – я искал ближайший разворот, чтобы поскорее вернуться. – Отец просто любит тебя, и его беспокоит странное...

– Вы тоже ничего не знаете, – оборвал мальчик. – Доктор, пожалуйста, остановите машину. Я только расскажу вам, что видел, а потом мы вместе поедem к отцу. Хорошо?

– Плохо, – я покачал головой. – Нельзя заставлять родителей нервничать.

– Он не должен знать! Вы не понимаете, если он узнает – такое начнется!

Мальчик был явно перевозбужден, и его требовалось успокоить. Приняв решение, я свернул на обочину, включил аварийку и обернулся в кресле, впервые внимательно оглядев своего непрошенного пациента.

– Ну что ж, давай знакомиться. Меня зовут Емеля.

– Емеля? – мальчик поднял брови. Черты его лица слегка напоминали Каракаловские, но к счастью, это пока еще было лицо, а не сытая морда.

– Емельян Иванов, доктор психологии. А как твое имя?

– Джафар... – мальчик нахмурил брови. – Доктор, вы ведь меня выслушаете? Не будете смеяться?

– Я всегда слушаю очень внимательно.

Джафар – ну и имечко – серьезно на меня посмотрел.

– Доктор, я видел пришельцев. Не тарелки, не зеленых человечков, все это чушь. Я был в лесу, с другом, мы наблюдали за птицами, и видели.

– Наблюдали за птицами? – переспросил я.

– Да, я хочу стать биологом, – кивнул мальчик.

Сын Марата Караколова хочет стать биологом! Пожалуй, ему и впрямь нужна моя помощь...

– Что же вы видели? – я подбодрил Джафара улыбкой.

– Пришельцев, – серьезно ответил мальчик. – Они похожи на динозавров, только совсем другие. С крыльями. Я бы сказал, на кого они похожи, но вы тогда точно не поверите.

Я застыл. Подобных совпадений в жизни не бывает.

– На драконов? – спросил недоверчиво.

– Да, – с легким удивлением кивнул Джафар. – Они были точно как сказочные драконы. Большие, с папин мерседес размером! И все – серебристые, будто алюминиевые. Я видел четверых, Сава еще одного. Они прятались в заброшенном котловане, там на дне лежит ржавый экскаватор. Доктор, вы не думайте, я не сумасшедший! – с тревогой добавил мальчик. – Я сначала решил, что внизу фильм снимают и это роботы, как ти-рекс в "Юрском парке". Но потом один из них взлетел, представляете? Расправил крылья и взлетел. А как только поднялся выше деревьев, стал невидимым! Вы "Хищника" смотрели?

Я подавил улыбку,

– Конечно, смотрел.

– Вот точно как там! – мальчик возбужденно подался вперед. – Он стал невидимым, но свет преломлялся. У меня фотка есть!

Он выудил из кармана мобильник стоимостью где-то в полтысячи долларов и сунул его мне.

– Посмотрите сами! Камера тут плохая, но драконов видно. Я отцу не показал, иначе он бы весь лес с корнем выдрал...

Все еще пытаюсь убедить себя, что пациент психиатрической клиники – не я, а Джафар, я вошел в меню телефона и добрался до каталога с картинками. Несколько секунд тупо смотрел на некачественные, смазанные фотографии, где, однако, были ясно видны серебристые ящероподобные существа, копошившиеся у старого экскаватора.

– Теперь верите? – спросил мальчик.

Я зажмурился.

– Это невозможно. Ты разыгрывашь меня?

– Какой уж тут розыгрыш, – неожиданно серьезно ответил Джафар. – Меня чуть в психушку не упекли, когда рассказал.

Чудовищным усилием воли я взял себя в руки.

– Господи, но тогда... – меня передернуло. – Я знаю, зачем они прилетели!

– Вы?! – переспросил мальчик.

– Да, да! – потрясенный, я смотрел на фотографии. – Сегодня в клинике я проводил обследование удивительного человека. Он утверждал, что прибыл к нам из будущего, и за ним по пятам гонятся драконы! Господи, так это правда...

– Точно как в "Терминаторе", – глубокомысленно заметил Джафар.

Встряхнувшись, я завел мотор и развернулся прямо посреди улицы, через двойную осевую. На моей памяти это был первый случай, когда я осознанно нарушил правила.

– Мы должны поговорить с ним. Мы оба. Ладно? – я выжал из "Самурая" все, на что был способен его семидесятисильный моторчик. – Если все это не розыгрыш... Если тебя не одурачили каким-то способом...

– Куда вы едете?! – Джафар вскрикнул, но я уже ничего не мог поделать. Притянутый неизвестной силой, мой бедный "самурай" проломил ограждение и на полной скорости рухнул в Москву– реку.

Мы с мальчиком даже не успели испугаться. Машина так и не коснулась воды – поверхность реки прогнулась, принимая нас в свое лоно, с хлопаньем замкнулась над головой и мы стремительно пошли ко дну, заключенные в пузыре из непонятно чем удерживаемой воды. Я судорожно вцепился в руль.

– Это они... – прошептал бледный Джафар. – Они нас похитили!

Пока я искал другие, более реалистичные объяснения, в темноте перед машиной пронеслось что-то огромное. Вскрикнув, я включил фары... И нас с мальчиком словно вдавило в сидения. Прямо перед капотом, в мутной воде парил дракон.

Он был очень изящным и совсем не напоминал традиционных "телепузиков", скорее уж динозавра, причем хищного. Размерами дракон почти вдвое превосходил

мой джип, голова метровой длины отличалась довольно разумным "лицом" и длинными остроконечными ушами, как у овчарки. Рогов дракон не имел, крылья и лапы в свете фар были почти не видны. На осознание всего этого мне потребовалась пара секунд.

И только затем я понял, что дракон был в скафандре.

– Не бойтесь! – несмотря на воду, глухой голос ящера был слышен довольно хорошо. – Мы вас не тронем!

Джафар, раскрыв рот, молча смотрел на пришельца, судорожно цепляясь за кресло. Я был в ненамного лучшем состоянии, однако опомнился первым. Все же многолетний опыт психолога бывает полезен.

– Вы из будущего? – откашлявшись, спросил я. Абсурдность ситуации меня даже слегка забавляла. Если уж ты сидишь в маленьком джипе на дне Москвы– реки, и беседуешь с драконом в скафандре, удивляться поздно. Тут надо проводить обследование... Самого себя.

– Мы знаем, что вы разговаривали с Ким Фангом, – сказал дракон. – Мы не можем открыто похитить его из клиники, нам запрещено показываться людям. Вам придется вывести его из здания в безлюдное место. Лучше всего пустырь или свалка.

– Простите, но кто вы такие? – спросил я спокойно. – Если вам нужно сотрудничество, извольте обращаться со мной как с сотрудником, а не инструментом.

Дракон за стеклом склонил голову набок.

– Вы правы, я была невежлива. Приношу извинения. Что именно вы хотите знать?

– Интересный вопрос, – я натянуто усмехнулся. – Как насчет всего?

– У нас нет столько времени, – возразила дракониха (поскольку это, очевидно, была дракониха). – Я сейчас страшно рискую. Вам будет трудно вообразить, что начнется, если нас обнаружат.

– Отчего же, я на воображение никогда не жаловался, – отозвался я. – Раз у нас мало времени – не теряйте его, пожалуйста. Кто вы?

– Мы люди, – коротко ответила дракониха. – Да, мы явились из будущего. В нашем мире живут две разновидности человека – обычные люди и люди, преобразованные в драконов.

– Зачем? – спросил я машинально.

– Так получилось.

– А что вы делаете в нашем времени?

– Ловим преступника, – нетерпеливо ответила дракониха. – Человек, известный вам под именем Редько, похитил разум одного из наших детей.

Я сглотнул. Ситуация все меньше и меньше напоминала бред.

– Он говорил, вы используете тела своих детенышей чтобы записывать туда...

– Это было в прошлом! – резко оборвала дракониха. – В далеком прошлом! Мы давно оставили это чудовищное преступление позади. Я работаю в темпоральной службе спасения, мы сейчас вытаскиваем детей, которых наши предки убивали на своих невообразимых фабриках тел! Редько, вернее Ким Фанг, был сумасшедшим. Он записал себе в мозг личность детеныша, которого должны были убить для него самого.

– Очень человечный поступок, – заметил я нервно. – Попытка спасти малыша...

– Это было преступлением, а не попыткой! – рявкнула дракониха. – Мы давно заменили всех детей в инкубаторах на бионов, простых организмов, совершенно не способных существовать без имплантированной чужой личности. Мы сняли с себя грех, которым предки запятнали драконов перед всей галактикой. Но мы ничего не знали о безумном плане Ким Фанга! И он успел бежать в прошлое прежде, чем его перехватил оперативный работник нашей службы. Теперь у него в голове мучается ребенок, и с каждым часом промедления, шансы на спасение малыша стремятся к нулю!

Я помолчал, разглядывая свою невероятную собеседницу.

– Не думал, что рептилии так заботятся о потомстве...

– Мы не рептилии. Мы такие же люди, как вы, просто в другом костюме, – дракониха перебрала лапами. – Я живу в Москве, у меня самой есть ребенок. Помогите нам спасти последнюю жертву инкубаторов! Пока хоть один малыш остается в этом... этом кошмаре, мы никогда не сможем глядеть на себя в зеркало. Ни один народ Земли не имел столь чудовищного прошлого, помогите нам очистить род драконов от черных пятен! – тут ей, видимо, пришла в голову новая мысль. и она добавила: – В обмен мы исполним любое ваше желание. У нас почти безграничные возможности. Хотите

лекарство от СПИД– а? Или от рака? Мы сделаем вас самым знаменитым врачом планеты!

Дракониха внезапно вздрогнула, вид у нее при этом был такой, словно она к чему-то прислушивается.

– Мое время кончилось. Сегодня ночью, в три часа, приведите Редько на любой пустырь, мы сами его обнаружим со спутника. И подумайте над желаниями! Считайте, что поймали золотую рыбку!

Грациозно изогнувшись, дракониха скрылась из глаз. В тот же миг река забурлила, рванулась к окнам. Я едва успел открыть дверцу машины, как внутрь хлынула ледяная вода. Схватив все еще шокированного Джафара за руку, я всплыл на поверхность Москвы– реки. Толпа людей, собравшихся возле места, откуда мой джип рухнул в воду, встретила наше появление криками и улюлюканьем.

– Доктор... – мальчик цеплялся за меня левой рукой. – Доктор, возьмите телефон. Я не могу плыть с ним. Он водоупорный, но все равно, лучше его лишний раз не мочить.

– Телефон?! – переспросил я в полном недоумении.

– Конечно, – Джафар обратил ко мне горящие возбуждением карие глаза. – Я снял на видео весь разговор!

Редько встретил наше появление так, словно ждал его всю жизнь. Поздоровавшись со мной, он поинтересовался чином сотрудника ФСБ и улыбнулся, услышав что перед ним генерал.

– Значит, поверили, – сенатор из будущего облегченно вздохнул. – Почему поверили, а, доктор? Что случилось?

– Они хотят вас забрать, – сказал я серьезно. – Сегодня в три часа ночи. На пустыре.

Редько – вернее, Ким Фанг – сначала отпрянул, но потом бросил взгляд на молчаливых разведчиков и понимающе улыбнулся.

– Готовите встречу, доктор? Они опасны, очень опасны!

Генерал Потапов откашлялся.

– Расскажите, с кем мы имеем дело, – попросил он. – Чего можно ожидать?

И Ким Фанг начал рассказывать. Если бы все мы не видели пришельцев собственными глазами – военные смотрели запись, но это неважно – рассказ Ким Фанга определенно привел бы его в нашу лечебницу.

– ...они гнались за мной по всем мирам. Наверно, им помогал второй я, тот, который дракон. Я убегал, долго, но здоровье меня все же подвело. Им бы просто оставить меня в покое, я и так умирал, но не могли, права не имели. Догнали уже здесь, в Подмосковье. Только я им опять подложил свинью! – Ким Фанг нервно рассмеялся. – Они-то меня нашли, но я был при смерти. Валялся на земле и подыхал. Им ничего не оставалось, как срочно переписать мой разум в первого попавшегося человека... – сенатор остервенело рванул на себе рубашку. – В этого урода Редько!

– Но зачем вы им нужны? – спросил генерал. – Зачем тратить столько сил на поиски тела, которое и так должны были уничтожить?

– А– а, тут не все так просто, – хихикнул Редько. – Они сели в лужу, понимаете? По правилам, меня должны были уничтожить сразу после записи, чтобы копия получилась точным подобием оригиналу. А меня не уничтожили. Тот я, который дракон, теперь уже не тот я, который я. Потому что я, который я – совсем не тот я, который был!

– И что же? – спросил запутавшийся Потапов.

– Теперь по закону они не имеют права меня убить, – небрежно заметил Киф Фанг. – Сначала должны спасти, переписать в новое тело, а потом судить как преступника.

Я фыркнул.

– Чушь!

– Отнюдь, доктор, – Ким Фанг покачал головой. – У нас ведь суд не такой, как у вас. И законы соблюдают не только для виду. Любой полицейский робот имеет право сканировать память в поисках правонарушений, а такое, как со мной – дело неслыханное! Страшный политический скандал будет, доктор, если меня убьют. Они любой ценой должны доставить меня, целого и невредимого, на суд. А потом уже уничтожить...

Он дико расхохотался, потрясая руками в воздухе:

– Но я подложил им свинью! Кабана, а не свинью! Двух свиней! Одного борова, и одну свинку! Кстати, какой сейчас год? – спросил он, внезапно успокоившись.

Мы с генералом переглянулись.

– Две тысячи седьмой, вы же знаете.

– Две тысячи семь... – протянул Редько. – Значит, так тому и быть. Да! – он возбужденно кивнул. – Все сходится. Я пойду с вами на пустырь, доктор! – он обернулся ко мне. – Посмотрю еще раз на их чешуйчатые мордочки. Быть может, там будуи я – который он. Вот будет весело, правда? – Редько– Ким– Фанг нервно хихикнул.

Я подался вперед.

– Почему вы спросили о годе?

– Ну– ну, – сенатор укоризненно погрозил мне пальцем. – Вот уж чего– чего, а информацию о будущем у меня не просите. Семья моя должна пребывать в покое.

– Вы что-то знаете о 2007 годе? – быстро спросил Потапов. – Что произойдет в этот год?

Редько усмехнулся.

– Ничего, генерал. И в следующий тоже. А вот с 2009, неожиданно начнется удивительный взлет науки и техники... Будто кто-то подкинул ученым целую грудку техники будущего, и они за пару лет в ней разобрались, понимаете намек, да?

Мы еще раз переглянулись.

Завтрашний день обещал быть интересным.

Конец